

Глава I

НАЧИНАЕТСЯ

Хорошо, что я не ношу каблуков.

Подумала я, прижимаясь к каменной кладке. Даже через куртку чувствовала, насколько она холодная.

Вообще-то не лучший выход — нырять в такие вот места, где тебя могут прижать так, что не пикнешь. И никто не услышит. Когда преследуют, надо бежать туда, где люди, я знаю. Но про эту междомовую арку знают немногие, она скрыта самостроем — ну, таким нарощенным балконом первого этажа. Я сильно надеюсь, что тот, кто бежал за мной, не настолько местный.

Сердце колотилось, как заведённый механизм, никак не могло остановиться. Будто кто-то помимо моей воли толкал и толкал поршни, превращая сердце в вечный двигатель.

Дождавшись, пока шум в ушах стихнет, я тихонько прошмыгнула сквозь арку во двор. Отсюда мой дом не виден, но я знаю, что до него всего ничего, жаль,

что по прямой не доберёшься — февраль, жёсткий наст, это не снег, а сплошные торосы, филиал Арктики в городской среде.

Но мне удалось оторваться, это главное.

Нельзя доверять лестницам, ведущим вниз. Особенно в местах, где работаешь. Теперь я знаю, что название клуба «Козырёк» не имеет отношения ни к головному убору, ни к архитектурным изыскам. Оно от слова «козырь», а внизу у Паши подпольное казино. Натурально подпольное, я рот открыла, когда увидела. Плохо, что меня тоже увидели. И даже вон — проводили чуть не до дверей!

Руки дрожали, когда я орудовала ключами, от этого проснулась моя маман. И вышла встречать.

— Ты на часы смотрела?

— А надо?

Мой рабочий день (условный день, конечно) заканчивается в час или два. Обычно в три ночи я дома. Сегодня вот пришлось задержаться по не зависящим от меня причинам.

— Ты же знаешь, я против этой твоей работы!

— А ты знаешь, почему я держусь за эту работу!

Вот и поговорили! Я слишком утомлена и напугана, чтобы продолжать. На сегодня всё. Завтра подумаю, как о себе позаботиться. Маман не поможет. Она никогда не могла меня защитить. Даже во времена, когда была просто мамой.

Солнце светит в окно под углом. Это значит, я проснулась поздно. Но всё в порядке, так и задумано. Сегодня я никуда не опаздываю, на занятия мне позже обычного. Яркий прямоугольник медленно разворачивается по полотну одеяла, потихоньку добираясь до моей согнутой коленки. Доберётся — значит, пора вставать.

Как же редко я высыпаюсь! Учёба, работа, музыка, личная жизнь, наконец! Всё это отнимает уйму времени. На сон почти ничего не остаётся.

Лежу и вспоминаю ночные кошмары. Как это обычно бывает, утром всё рассеялось, как дым. Я уже сомневаюсь, преследовал меня кто-то или я всё это во сне увидела. Или подумала, что меня кто-то преследует, а это был безобидный прохожий. Да и подвальные игроки... Ну нет, эти мне точно не приснились!

Солнечный прямоугольник наконец касается моей коленки. Пора.

Откидываю одеяло. В тот же миг будильник откликается энергичной мелодией. Сегодня это Флоран Мот, «Victime de ma victoire». Вчера была она же. И позавчера. Не потому что я обожаю Фло, просто мелодия такая... Подходящая для начала дня. Хотя и Фло обожаю, конечно. Рок-опера «Моцарт» довольно старая, а мне нравится, я готова слушать её вечно!

Иду на кухню, варю кофе, с удовольствием наблюдаю, как он покрывается по краям лёгкой пенкой.

Утро — моё время. Кажется, что всё успеешь, сил много, и замыслы, заготовленные с вечера, ещё не погасли. Как будто впереди не целый день, а целый год.

На самом деле чаще всего бывает так: я сейчас пойду, сделаю кучу маленьких дел, вычёркивая их из головы по одному. Это вроде как позволяет собой гордиться — вон сколько сделано! А по-настоящему большие дела, вроде задолженности по сольфеджио, так и останутся незавершёнными. А если меня занесёт к Банде, то вообще всё. Пропал день. Никаких дел, ни больших, ни малых, ни совсем крошечных. Только Банда.

Нет, ну к Лильке надо зайти по-любому, две недели у неё не показывалась. Это на сегодня моё большое обязательное дело, сольфеджио всё-таки подождёт.

Зажужжал вентилятор в ванной. Это значит, маман проснулась. У нас клавиши света и вентилятора на одном выключателе, если торопишься, можно нечаянно нажать обе, маман спросонья часто так промахивается.

Я прислушиваюсь секунды две, потом возвращаюсь к кофе. Жаль, конечно, я люблю допивать мой утренний кофе в одиночестве. Хотя, может быть, у меня просто не было достойной компании. Мне ни с кем не хотелось делить свой кофе. Не кофейные зёрна, разумеется, а драгоценные утренние минуты. Разве что с Нетом. Но он кофе не пьёт и просыпается не раньше одиннадцати, если не работает, конечно.

Меня насчёт кофе никто не поддерживает, кстати. Даже удивительно: в мире полно кофеманов, а в моём окружении все предпочитают чай. Если нет чего покрепче. Но алкоголь — точно не моё, хоть я и работаю в ночном клубе. Пробовала пару раз, вообще не понравилось!

Маман вышла из ванной. Теперь два варианта. Она может уйти к себе досыпать, а может приволочиться на кухню выносить мне мозг.

Вариант без выноса мозга возможен только в теории.

— Слезь с подоконника, — говорит маман.

Я же говорила! Не поворачивая головы, отхлёбываю кофе. Потом говорю:

— Окно закрыто.

— Из дома напротив тебя видят.

— Ну и что. Пусть смотрят. Я же не голая.

Маман поджигает губы. Больше ничего не говорит.

Она берёт чашку, зачем-то осматривает её изнутри, даже пальцем проводит по ободку. А потом наливает себе кофе. Я оборачиваюсь, смотрю и жду, когда она сделает первый глоток.

— Кха! — кашляет она. — Как ты пьёшь эту гадость!

Ага, я пью кофе с сахаром. Это, по мнению кофеманов, уже само по себе изврат. Этого мало — я ещё и варю его с сахаром, чтоб уж совсем по-извращенски.

— Тебе вреден такой крепкий кофе, — говорит маман.

Вот почему бы не признаться, что я её просто раздражаю? Зачем маскировать это какой-то заботой? Или любовью к порядку? Кофе крепкий, подоконник высокий...

С подоконника я всё-таки спрыгиваю. Не потому что послушалась, а потому что мне уже пора.

— Вернёшься с занятий — окна помой, — говорит маман. — Невыносимо уже.

Я оборачиваюсь. Нормальное окно. Не идеально чистое, конечно, но вполне прозрачное. Терпеть ещё можно. Это просто чтоб мне жизнь мёдом не казалась. Но она и так не медовая, поэтому я говорю:

— Сегодня не получится. У меня длинный день.

— Отчего же он у тебя такой длинный?

— В колледже четыре пары, потом к Лильке.

Ну всё! Сейчас начнётся.

Глаза у маман вспыхивают, но она говорит пока ещё спокойно:

— А вот без этого нельзя?

— Нельзя, — я отвечаю так, чтобы уж точно не осталось сомнений: от своего я не отступлю.

— По-моему, общение с Лилей отнимает у тебя слишком много времени.

— Может быть, — спокойно соглашаюсь. — Но это только из-за того, что у вас с папой на это времени вообще нет.

— А я и не обязана с ней общаться! — наконец взрывается. — И ты тем более! У тебя другие проблемы! Думаешь, я не понимаю, что ты делаешь это мне назло?

— Всё, я ушла.

Иду в свою комнату за рюкзаком, но маман бежит за мной и продолжает кричать:

— У тебя экзамены на носу! Лучше бы об учёбе думала!

Об учёбе вспомнила, ну конечно! И это она ещё про все мои долги не знает!

— Отец из меня всю кровь выпил, и ты туда же! Всё из-за этой Лили!

Да-да-да! Лили во всём виновата, это мы тоже слышали. Даже в том, что я выкрасила волосы в зелёный цвет.

Я никак не могу найти нужную мне нотную тетрадь. И меня это раздражает, потому что хочется уже свалить отсюда побыстрее.

— Я запрещаю тебе общаться с ней, слышишь? Я добьюсь, чтобы тебе запретили с ней встречаться!

А вот это уже что-то новенькое. И конкретно угрожающее. Ноты я так и не нашла. Хватаю рюкзак, ныряю в кроссовки — и вниз по лестнице, не дожидаясь лифта!

— Чтоб она испарилась, твоя Лили!

Голос маман отскакивает от стен подъезда, как теннисный мячик, больно бьёт по ушам.

Я распахиваю дверь подъезда, и в глаза мне бьёт слепящая вывеска «ОФИС ПРОПАЖ» — новая, недавно открыли.

«Офис продаж» — проморгавшись, читаю я.

Отлично начинается день!